

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2026.1.115

ЭЛЕГИЧЕСКИЙ МОДУС ПОЭЗИИ ЕВГЕНИЯ КЛЮЕВА

С. Ю. Артёмова

Тверской государственный университет, г.Тверь

Статья посвящена проблеме трансформации элегии в современной поэзии. При общей изученности вопроса жанровой лирики остается нерешенной проблема границы жанра и жанрового модуса. Внутренняя мера жанра предполагает ориентир на жанровое ядро, на специфику эгегического героя и пространственно-временного континуума. Если же в тексте нет жанровой основы, а присутствуют лишь отдельные, зачастую необязательные черты жанра, то он входит в жанровый шлейф, но собственно жанром не является. Эти характеристики можно проследить на примере поэзии Евгения Клюева, в частности, его книги стихов «Песни невозврата». Ее заголовочно-финальный комплекс указывает на близость к жанру элегии. Однако эгегий в книге не так уж много, скорее, тексты тяготеют к эгегическому модусу, реанимируя жанровую память читателя. В текстах, близких к элегии, утраты приходят в равновесие с приобретениями, а печали компенсируются наградами. Новая картина мира никак не вписывается в привычный жанр элегии, и от нее остается только эмоциональный шлейф.

Ключевые слова: жанр, лирические жанры, элегия, жанровая трансформация, поэзия Е.Клюева.

За последние годы изучения лирики не только фокус внимания перешел из сферы тематической в сферу жанровую, но и популярный тезис о «внежанровой лирике» был заменен на тезис о жанровой трансформации. Соответственно, на сегодняшний день уже описана и примерная теоретическая жанровая модель с ядром и периферией [6], и разнообразие классических жанров [8], и разница жанра и жанрового модуса [9], и методика жанрового чтения лирического текста [7]. После построения жанровой базы был написан ряд диссертаций об основных классических жанрах – оды, элегии [5; 10], баллады, послания. Появлялись работы о более узких временных промежутках и о жанрах в творчестве конкретных авторов [3; 1].

Элегия всегда при этом оставалась чемпионом по количеству написанного, поскольку активно развивался и сам жанр. Однако, говоря о современной элегии, следует оговаривать специфику жанровой

© Артёмова С. Ю., 2026

трансформации. Зачастую «происходит необоснованное отождествление жанра элегии с элегическим модусом» [2, с. 20]. Если для элегии XIX века характерно особое пространство (локусы чужбины, кладбища и др.) и время (утраченное прошлое, осознаваемое в настоящем), а также герой (тоскующий по невозвратному, утративший идеал), то в XX веке происходит трансформация жанра, отказ от канона, обращение к внутренней мере жанра. Элегия размывается на множество вариаций, зачастую тексты не содержат ничего из перечня признаков жанра, кроме печали как основополагающей эмоции, что характерно для текстов жанрового шлейфа элегии, или, как сформулировал В. И. Тюпа, для «элегического модуса» [9, с. 52].

В этом смысле интересно рассмотреть с жанровой точки зрения книгу стихов Е. В. Клюева «Песни невозврата» [4]. Критики связывают появление этой книги с биографическими событиями и укоренением Клюева в Дании, с прощанием с родиной и ностальгией по ней. Однако это слишком упрощенная трактовка. Книга построена, безусловно, на эмоции печали из-за прощания с прошлым. Элегичность подчеркивается и самим заглавием книги (мотив возвращения в прошлое – один из ключевых в жанре элегии). Однако на практике жанр не выдерживается, прощание оборачивается вглядыванием, узнаванием, осознанием и принятием, а невозврат оказывается и вечным возвращением, и вечным отторжением.

На первый план выходит концепция «второй жизни». На это указывают разделы книги: «Фрёкен Дежавю», «Госпожа Паранойя», «Синьора Фортуна», «Мамзель Любофф» и, наконец, «Бестиарий». Именования эти не случайны, хотя на первый взгляд они синонимичны. «Фрёкен» – шведское слово, это скандинавское обращение к незамужней женщине, для русского уха это еще и слегка пародийная отсылка к домоправительнице Астрид Линдгрэн «Фрекен Бок» [4, с. 40].

новая страна,
облака новы,
синева нова.
Я тебе совью
новую семью
в золотом краю,
фрёкен Дежавю,
если доживу,
если допою.
Я тебе совью
новую главу,
если поспешу,
фрёкен Дежавю,
если доживу,
если допишу.

Мотив «новой жизни» («Я тебе совью / новую семью / в золотом краю») дополняется ощущением конечности жизни и невозможности «дописать главу». Утрата старого не превращается для героя в элегическое вглядывание в прошедшую идиллию, но не становится и браваурной мелодией новой жизни, попытка повторения воспринимается как данность.

«Госпожа Паранойя» именовани­ем отсылает к русскоязычной реальности, достоевщине, страданию безумия [4, с. 43]:

Госпожа Паранойя летит и поёт про своё, неземное.

Ты возьми, ты возьми нас в полёт, госпожа Паранойя:

мы опять над любимой землёй полетим на зелёной кобыле ...

мы-то знаем: истории ход обратим, ибо все мы – как были.

<...>

Поживём, полетаем до первой звезды и до первого снега,

пожужим сыромятную кожу узды да и спустимся с неба,

ибо дух наш высок, ибо нрав наш горяч, особливо весною!

Лишь бы были здоровы наш Бог и Главврач, госпожа Паранойя.

Здесь снова происходит переосмысление тоски по прошлому: возвращение не нужно, ибо нет никакой разницы между прошлым и настоящим: «истории ход обратим», «ничего не менялось у нас никогда» и т. п. Элегическая печаль оборачивается иронией и самоиронией узнавания.

В разделе «Синьора Фортуна» судьба оказывается не доброй и не злой, она просто одно дает, а другое отнимает, а лирический субъект осоз­нает эти превратности без ликования, но и без надрыва [4, с. 94]:

Ведь я не знал, что все прошло, и мне казалось, что не все,

И мне казалось: колесо не остановится вовеки,

и это детское лицо, и это ветхое крыльцо,

тем паче меткое словцо – все сделано из нержавеющей стали.

А оказалось, это пух в руках у престарелых прях...

Эти строки больше напоминают настоящую элегию, ее разновидность – элегию подведения итогов: «и получается, пажон, что жизнь прошла, гасите свечи». Раздел оказывается самым элегическим из всех стихов. Это уже не элегический модус, в текстах есть и утраченное прошлое, и субъект, печалющийся об утратах [4, с. 98]:

Итальянская песня на том золотом языке,

на котором мне солнце светило однажды давно,

на котором я целое небо держал в кулаке,

и не надо искать было, ибо все было давно.

<...>

...новый язык у меня фаворит –

жаль, я только один его знаю, а больше никто.

На первый взгляд кажется, что речь идет о детстве и утрате детского восприятия. Но новый язык акцентирует внимание на иной подтекст – одинокий путь поэта.

Раздел «Мамзель Любофф» не столько указывает на французскую куртуазную традицию, сколько подчеркивает иронический подтекст. На это указывает не только постфикс ОФФ (выключено), но и жанровая составляющая раздела: романсы и баллады, сюжеты которых высмеивают трагифарсовую сторону любовных сюжетов. Например, третье стихотворение из цикла «Дон и донна» подчеркивает возвращение в мир детства и мир провинции, где все всех знают [4, с. 115]:

Столько приветствий... Никак не могу
Освободиться от взгляда!
Столько знакомых на каждом шагу...
Мне они искренне рады.
Тут ведь, в провинции, личная жизнь –
очень заметное дело: за полночь на пять минут задержись
с кем-то – и весть полетела...

<...>

(Здравствуйте...) Я (Здравствуйте...) Вас
(Здравствуйте...) люб... (Здравствуйте...) лю.

Раздел «Бестиарий» лишний в этом ряду «женщин судьбы» только на первый взгляд. Это своего рода искушение святого Антония, только наоборот: лирический субъект не желает ни славить будущее, ни возвращаться в прошлое, он помещен в промежуток, а значит, совершенно свободен, и его главный враг – не элегическое время, а он сам. Его бестии производятся им самим.

А заключительное стихотворение раздела и книги знаково называется «Я» [4, с. 214]:

Здесь кончается букварь,
рушатся мосты –
здесь живёт последний зверь
под названьем «Я».
Он опасней всех других
и коварней всех –

<...>

Всех на свете победишь
и перехитришь,
кроме разве только лишь...
разве только лишь.

Песни не восхваляют ни судьбу, ни везение, ни любовь, но и не порицают ничего из этого перечня. Жизнь декларируется как борец с самим собой, которое порождает печаль утрат, но одновременно творче-

скую силу. Архитектоника книги не центробежная, а центростремительная: от мира герой приходит к себе, осознавая в себе и корень всех проблем, и центр всех радостей.

Книга элегична, но по большей части это осколки элегии, не составляющие привычного жанра. Из этих осколков Клюев выстраивает совершенно новый рисунок стиха, где утраты приходят в равновесие с приобретениями, а печали компенсируются наградами. Новая картина мира никак не вписывается в привычный жанр элегии, и от нее остается только эмоциональный шлейф.

Список литературы

1. Боровская, А. А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века. Автореф. дис. ... д-ра. филол. н.: 10.01.01 / А. А. Боровская; Астраханский государственный университет. Астрахань, 2009. 46 с.
2. Воронцова, С. С. Жанр элегии в творчестве символистов (на материале поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Белого и А. Блока): дисс. ... канд. филол. н.: 5.9.1 / С. С. Воронцова; Институт мировой литературы. Москва, 2025. 299 с.
3. Гуковский, Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. Москва: Языки русской культуры, 2001. 352 с.
4. Клюев, Е. В. Песни невозврата. Москва: Время, 2018. 224 с.
5. Козлов, В. И. Русская элегия неканонического периода. Очерки типологии и истории. Москва: Языки славянской культуры, 2013. 335 с.
6. Лейдерман, Н. Л. К определению сущности категории «жанр» // Жанр и композиция литературного произведения. Вып. 3. Калининград: Калининградский государственный университет, 1976. С. 3–13.
7. Магомедова, Д. М. Филологический анализ лирического стихотворения. Москва: Academia, 2004. 192 с.
8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. Москва: Intrada, 2008. 358 с.
9. Тюпа, В. И. Теория литературы: учебник. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2024. 254 с.
10. Фризман, Л. Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. Москва: Наука, 1973. 166 с.

THE ELEGIAC MODE OF EVGENY KLYUEV'S POETRY

S. Yu. Artemova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the problem of the transformation of elegy in modern poetry. Despite the general study of the issue of genre lyrics, the problem of the boundaries of genre and genre mode remains unresolved. The internal measure

of the genre presupposes a focus on the genre core, on the specifics of the elegiac hero and the space-time continuum. If there is no genre basis in the text, but only certain, often optional features of the genre are present, then it is included in the genre train, but it is not a genre proper. These characteristics can be traced to the poetry of Evgeny Klyuev, in particular, his book of poetry “Songs of no Return”. Its headline-final complex indicates its proximity to the genre of elegy. However, there are not so many elegies in the book, rather, the texts tend to the elegiac mode, reviving the reader’s genre memory. In texts close to elegy, losses come into balance with gains, and sorrows are compensated by rewards. The new worldview does not fit into the usual genre of elegy, and only an emotional trail remains from it.

Keywords: *genre, lyrical genres, elegy, genre transformation, poetry of E. Klyuev.*

Об авторе:

АРТЁМОВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Artemova.SY@tversu.ru.

About the author:

ARTYOMOVA Svetlana Yuryevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Artemova.SY@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.

Дата подписания в печать: 13.03.2026 г.